

Т.В. Попова, Е.Г. Степанова
Екатеринбург

Морфодеривационная структура слова как единица русского языкового сознания

Феномен сознания изучался разными учеными: психологами, нейрофизиологами, философами (Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, С.С. Корсаковым, А.Р. Лурией, Б.В. Зейгарник, Л.С. Цветковой, Е.Д. Хомской, В.А. Скоробогатовым, Б.А. Еруновым, Л.В. Мурейко и др.). Все они трактовали сознание как субъективную реальность, зависящую от объективной и отражающую её. Возникновение сознания как специфически человеческого способа отражения действительности неразрывно связано с языком: язык – необходимое условие его возникновения и одновременно одна из форм его существования.

Современная психолингвистика выделяет особый феномен – языковое сознание, определяя последнее как ту «ипостась» сознания, которая связана с речевой [и метаязыковой – *авт.*] деятельностью личности [Красных 2001: 62]. Поэтому любой языковой материал может обрабатываться, с одной стороны, в ходе речевой деятельности обычного говорящего, с другой – в ходе метаязыковой деятельности лингвиста. В первом случае формируется «система функциональных ориентиров и опор» [Залевская 1999: 32], необходимых для успешности процессов производства и понимания речи отдельным человеком, во втором посредством логико-аналитической деятельности создаётся описательная модель языковой системы¹⁰. Поэтому понятия «индивидуальная речевая система», или речевая организация индивида, и «языковая система» нетождественны, теоретически несоизмеримы, вследствие чего результаты переработки языкового материала в указанных направлениях совпадают далеко не всегда. А.А. Залевская в данной связи категорически исключает правомерность «прямого механи-

¹⁰ Расхождение продуктов такой переработки очевидно из наблюдений над речевым онтогенезом, когда ребёнок, практически владеющий языком, испытывает трудности при изучении родного языка как учебного предмета.

тического перенесения продуктов метаязыковой деятельности лингвиста на описание закономерностей функционирования речевого механизма индивида» [Залевская 1999: 33].

Можно предположить, что представления о морфемной и словообразовательной структурах слова в языковом сознании лингвиста, создающего фрагмент научной модели языковой системы, и в языковом сознании «среднего» носителя языка – феномены близкие, но не совпадающие полностью, что и доказывают некоторые эксперименты и наблюдения. Например, с точки зрения языковой системы в модификационных производных семантической доминантой является корень, в мутационных – аффикс, передающий категориально-лексический компонент значения деривата. Но, по данным современных лингвистов, при восприятии любого слова в центре внимания говорящих находится корень. Ассоциативные эксперименты обнаружили, что при любом типе стимула реакций на корень даётся в несколько раз больше, чем реакций на аффикс. Так, на стимул *учительница* (дериват с суффиксом женскости *-ниц-*) в эксперименте А.А. Леонтьева получено 50 реакций с корнем *уч-* (*ученик* 25, *учитель* 15, *ученики* 10) и 4 реакции с суффиксом *-ниц-* (*наставница* 3, *мучительница* 1) [Словарь ассоциативных норм русского языка 1977: 182–183]¹¹.

Эти наблюдения позволяют предположить, что для анализа словообразовательной составляющей языкового сознания человека целесообразно ввести понятие морфодеривационной структуры русского слова (МДС), которое коррелирует с системно-языковыми понятиями морфемной и словообразовательной структур слова, но не тождественно им. Впервые этот термин употребил Н.Д. Голев для комплексной характеристики языковых единиц: он полагал, что морфемика и словообразование – языковые подсистемы, теснейшим образом связанные между собой. Это же отмечает и Е.А. Земская: словообразование – это сфера, которая, «используя морфемный инвентарь языка, выполняет заказ общества на создание необходимых социуму наименований» [Земская 1995: 154].

¹¹ См. также работы Т.В. Поповой 2004-2005 гг.

Представляется, что термин *«морфодеривационная структура слова»* целесообразно использовать для психолингвистической характеристики процесса порождения русского слова. Попытаемся показать отличие МДС от морфемной и словообразовательной структур слова в ходе анализа неузуальных русских существительных со значением деятеля, полученных в результате словообразовательного эксперимента, проведенного Е.Г. Степановой. Наименования лиц составляют значительную часть словаря любого литературного языка: человек всегда был объектом пристального внимания говорящих. По подсчётам Л.А.Шкатовой, не менее 10% словаря русского языка составляют существительные со значением лица [Шкатова 1986: 37]. Это же подтверждает и Е.А. Земская: «Герой современного словообразования – человек. Значительную часть новообразований составляют имена лиц нарицательные» [Земская 2000: 101].

Исследование МДС, т.е. отражения морфемной и словообразовательной структур русского субстантива в языковом сознании носителей языка, возможно только косвенными методами с использованием лингвистических экспериментов, прежде всего ономаσιологических, интерпретационных, ассоциативных.

Для эксперимента были отобраны 14 стимулов – словообразовательных перифраз «тот, кто...», узуальными ответами на которые являются русские субстантивы со значением лица-деятеля (производителя действия или носителя признака): *очкарик, кудряш, пловец, землекоп, барабанищик, пастух, грибник, вертолётчик, доярка, рыбак (рыболов), тракторист, курильщик, моряк, лыжник.*

Каждый испытуемый в ходе эксперимента получал задание придумать новые слова со значениями, сформулированными в виде словообразовательных перифраз «тот, кто...» (с опорой на «Словарь русского языка» С.И. Ожегова): 1) тот, кто носит очки; 2) тот, у кого кудрявые волосы; 3) тот, кто плавает; 4) тот, кто копает землю; 5) тот, кто играет на барабанах; 6) тот, кто пасёт скот; 7) тот, кто собирает грибы; 8) тот, кто управляет вертолётом; 9) та, кто доит коров; 10) тот, кто ловит рыбу; 11) тот, кто управляет трактором; 12) тот, кто курит; 13) тот, кто плавает по морю на корабле; 14) тот, кто катается на лыжах.

Словотворчество испытуемых не было ограничено структурными или стилистическими факторами – производное слово могло быть любым: простым и сложным, нейтральным и стилистически окрашенным и т.п.

По результатам эксперимента были составлены деривационные поля субстантивов со значением деятеля, представляющие собой массивы реакций, данных на стимульные словообразовательные перифразы. Мы используем понятие «*деривационное поле*» вслед за В.М. Никитевичем: «В отличие от словообразовательного поля деривационное поле включает в себя не только производные слова – результат словообразования, но и другие способы номинативной деривации» (Никитевич, 1985, с.113). В нашем случае массив реакций был неоднородным: он включал в себя и однословные (*биноклярищик*), и сверхсловные (*плоховидящий человек*), и непроизводные (*слепой*), и производные (*зрачкун*), и узуальные (*модный*), и неuzuальные (*очколиф*) номинации с преобладанием неuzuальных дериватов и композитов – поэтому употребление термина «*деривационное поле*» представляется оправданным.

Примером деривационных полей, например на стимул «тот, кто ловит рыбу», могут быть следующие массивы реакций взрослых и детей.

Дети: *Ловильчик 1, ловильщик 2, ловчик 1, рыб 4, рыба 4, рыбаку 1, рыбалак 1, рыбалк 1, рыбалка 1, рыбальник 1, рыбальчик 1, рыбальщик 1, рыбачка 2, рыбачкин 1, рыбачник 3, рыбачок 2, рыбаец 4, рыбак 2, рыбаина 1, рыбаинка 2, рыбаист 1, рыбаик 2, рыбаинг 1, рыбаинк 11, рыбаинца 1, рыбаиной 1, рыбаовик 1, рыбаовник 5, рыбаовчик 1, рыбаовщик 1, рыбаок 5, рыбаол 1, рыбаольщик 1, рыбаочик 1, рыбаочник 1, рыбаук 1, рыбаульщик 1, рыбауля 1, рыбачик 2, рыбащик 2, рыбащник 1, рыбающийся 1, рыбаискун 1. Всего 80 реакций.*

Взрослые: *Антирыб 1, выддевальщик 1, вырыба'тель 1, выудильщик 1, гарпунел 1, жабричка 1, заудочник 1, крючок 1, ловец 7, ловила 1, ловилка 1, ловищик 1, ловильник 1, ловильщик 2, ловильщик (рыбы)* 1, ловитель 3, ловитель (рыб)* 2, ловляк 1, ловник 1, ловунчик 1, ловчак 1, морильщик (червей)* 1, окуневич 1, порыболов 1, порыбун 1, рыбаалий 1, рыбаалкан 1, рыбаалкин 1, рыбааль 1, рыбаальник 3, рыбаальщик 12, рыбаанла 1, рыбаарь 3, рыбаатель 2, рыбаатчик 1, рыбаач 1, рыбаачник 3, рыбаачный 1, рыба-*

чок 1, рыбающий 1, рыбашиник 1, рыбаец 1, рыбаист 2, рыбаищик 1, рыбакин 1, рыбаень 1, рыбаек 1, рыбаик 43, рыбаюк 1, рыбаовик 1, рыбаовник 3, рыбаовчик 1, рыбаочник 2, рыбаук 1, рыбаулькин 1, рыбаун 7, рыбаунок 1, рыбаушиник 1, рыбаучак 1, рыбаучик 1, рыбаущик 6, рыбаец 1, удак 1, удеущик 1, удец 2, удилка 1, удиучик 1, удиущик 15, удочкин 2, удочник 15, уловищик 1, ухаиешчик 1, хитриущик (рыба)* 1, цепляущик (рыба)* 1, червячник 1¹². Всего 200 реакций.

В деривационном поле детей можно выделить 2 основных модели номинации: «название лица по объекту действия» и «название лица по действию». Эти модели включают, как минимум, на 2 элемента: объект действия (рыба) или действие (ловить) и суффикс со значением лица:

1) *-рыб-* + Ø 4, Ø(а) 4, *-акук 1, -алак 1, -алк 1, -алк(а) 1, -альник 1, -альчик 1, -альщик 1, -ачка 2, -ачкин 1, -ачник 3, -ачок 2, -ец 4, -ик 2, -ина 1, -инка 2, -ист 1, -к 2, -ниг 1, -ник 11, -ниц(а) 1, -ной 1, -овик 1, -овник 5, -овчик 1, -овщик 1, -ок 5, -ол 1, -ольщик 1, -очик 1, -очник 1, -ук 1, -уущик 1, -уля 1, -чик 2, -щик 2, -ыщик 1, -ящик 1;*

2) *лови-(ть) + -лучик 1, -лущик 2;*

Лов- + -чик 1.

В деривационном поле взрослых выделяются более разнообразные модели:

1) название лица по действию:

а) *лови-(ть) + -л(а) 1, -лк(а) 1, -лицик 1, -лник 1, -лущик 3, -тель 5,*

Лов-(ить) + -ец 7, -ляк 1, -ник 1, -унчик 1, -чак 1, по-+рыб+о+... + Ø 1,

Уд-(ить) + -ак 1, -ельщик 1, -ец 2,

Уди- + лк(а) 1, -лучик 1, -илущик 15, вы-+...+лучик 1,

Мори-(ть) + -лущик 1,

хитри-(ть) + -лущик 1,

цепля-(ть) + -лущик 1;

**выддева- + -тель*

б) *рыбалк(а) -ан 1, -ин 1;*

¹² Цифра после реакции указывает на количество полученных реакций данного типа.

2) название лица по объекту действия:

А) *-рыб-* + *анти-* + \emptyset 1, *вы-+...+атель* 1, *по-+... +о-+лов* 1, *по-+ ...+ун* 1, *-алий* 1, *-аль* 1, *-альник* 3, *-альщик* 12, *-анла* 1, *-арь* 3, *-атель* 2, *-атчик* 1, *-ач* 1, *-ачник* 3, *-ачный* 1, *-ачок* 1, *ачущий* 1, *-ашник* 1, *-ец* 1, *-ист* 2, *-ищник* 1, *-кин* 1, *-лень* 1, *-нак* 1, *-ник* 43, *-нюк* 1, *-овик* 1, *-овник* 3, *-овчик* 1, *-очник* 2, *-ук* 1, *-улькин* 1, *-ун* 7, *-унок* 1, *-ушник* 1, *-чак* 1, *-чик* 1, *-щик* 6;

Б) *окунь* + *евич* 1,

В) *жабр-(ы)* + *-ичк(а)* 1;

3) название лица по орудию действия:

Гарпун + *-ел* 1,

Крюк + *-ок* 1,

Сеть + *-ец* 1,

удочк-(а) + *-за-* +... + *-ник* 1, *-очкин* 1,

4) название лица по результату действия: *ух-(а)* + *-ашечник* 1.

Анализ компонентов, составляющих деривационные поля, показал, что при корневой морфодериватеме *-лов-/лови-* дети используют 3 морфа одной морфодериватемы: *-щик*, *-льщик*, *-льчик* (см. выше), при морфодериватеме *рыб-* 43 морфа, объединяющиеся в 19 суффиксальных морфодериватем:

1) *-ик/-ник*: *-альник* 1, *-ачник* 3, *-ик* 2, *-ник* 11, *-овик* 1, *-овник* 5, *-овчик* 1, *-очник* 1, *-ыщник* 1, *-ящик* 1 = 27 слов;

2) *-чик/-щик*: *-альчик* 1, *-альщик* 1, *-льчик* 1, *-льщик* 2, *-овчик* 1, *-овщик* 1, *-ольщик* 1, *-очик* 1, *-ульщик* 1, *-чик* 3, *-щик* 2, *-ящик* 1 = 15 слов;

3) \emptyset 4, $\emptyset(a)$ 4 = 8 слов;

4) *-ок*: *-ок* 5, *-ачок* 2 = 7 слов;

5) *-к(а)*: *-алк(а)* 1, *-ачк(а)* 2, *-инк(а)* 2 = 5 слов;

6) *-ец* 4,

7) *Разные (13)*: *-акук* 1, *-алак* 1, *-алк* 1, *-ачкин* 1, *-ина* 1, *-ист* 1, *-к* 2, *-ниг* 1, *-нищ(а)* 1, *-ной* 1, *-ол* 1, *-ук* 1, *-ул(я)* 1 = 14 слов.

У взрослых корневые морфодериватемы более разнообразны (ср. 17 против 3 «детских»): корневая морфодериватема *-лов-/лови-* сочетается с 12 морфами, объединяющимися в 9 морфодериватем (*-л(а)*, *-лк(а)*, *-щик*, *-ник*, *-тель*, *-ец*, *-ляк*, *-унчик*, *-чак*, *по-+рыб+о+...+ \emptyset*), морфодериватема *рыб-* – с 40

морфами, объединяющимися в 28 суффиксальных морфодериватем:

Лови-: + -л(а) 1, -лк(а) 1, -лицик 1, -льник 1, -льщик 3, -тель 5, Лов-(ить)+ -ец 7, -ляк 1, -ник 1, -унчик 1, -чак 1, по-+рыб+о+...+ Ø 1;

Рыб-:

1) **-ик/-ник:**, -альник 3, -ачник 3, -ашиник 1, -ищник 1, -кин 1, -ник 43, -овник 3, -очник 2, -ушник 1 = 58 слов,

2) **-чик/-щик:** -альщик 12, -атчик 1, -овчик 1, -чик 1, -щик 6 = 21 слово;

3) **-ун** = 7 слов,

4) **разные (25):** анти-+ +Ø 1, вы-+...+ -атель 1, по-+... + -о-+ -лов 1, по-+ ...+ -ун 1, -алий 1, -алкан 1, -алкин 1, -аль 1, -анла 1, -арь 3, -атель 2, -ач 1, -ачный 1, -ачок 1, ачуций 1, -ец 1, -ист 2, -кин 1, -лень 1, -нак 1, -нюк 1, -ук 1, -улькин 1, -унок 1, -чак 1 = 29 слов.

Анализ этих морфодериватем показал, что морфодеривационная структура суффиксальных субстантивов со значением деятеля в языковом сознании носителей русского языка включает в себя два вида морфодериватем: а) корень (основа)-мотивант: будучи производящей морфодериватемой, он обычно совпадает с корнем (-лов-, -уд-, -рыб-) или минимально осложнённой аффиксами основной (лов-и-, уд-и-); б) словообразовательный формант, совпадающий в экспериментальном материале с суффиксом или конфиксом. Его можно назвать и суффиксальной финалью, последняя представляет собой простой (базовый) суффикс или его производные с левым расширением, например: **-чик:** -альчик, -льчик, **-овчик**, **-очик**; **-щик:** -альщик, -льщик, **-овщик**, -ольщик, -ульщик, **-ящик**.

В языковом сознании носителей языка одного временного периода варианты аффиксальных морфодериватем более многочисленны, чем у соответствующих аффиксов в языковой системе. Так, в «Русской грамматике» у суффикса **-щик** выделяется 3 алломорфа: **-чик**, **-щик**, **-овщик** – и синонимичный суффикс **-льщик** (РГ, т. 1, 1980, §§ 213, 286, 331, 413, 439, 506, 560, 571, 591), в речи детей (по данным проведенного эксперимента) – 12 морфов (**-альчик**, **-альщик**, **-льчик**, **-льщик**, **-овчик**, **-овщик**, **-ольщик**, **-очик**, **-ульщик**, **-чик**, **-щик**, **-ящик**), в

речи взрослых – 11 (*-альщик, -атчик, -ельщик, -овчик, -овщик, -лицик, -льчик, --льщик, -чик, -уничик, -щик*)¹³; по данным всех деривационных полей (см. табл. 1), в речи взрослых – 51, в речи детей – 56 морфов дериватемы *-чик / -щик*. Причем, если в языковой системе это именно алломорфы, т.е. морфы одного суффикса, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции, то в языковом сознании носителя современного русского языка они являются вариантами одной суффиксальной дериватемы, которые присоединяются к одной и той же производящей основе, обычно без ее дополнительного изменения (дети: *ловильчик – ловильщик, рыбальчик – рыбальщик – рыбовчик – рыбовщик – рыбольшик – рыбочик – рыбаульчик – рыбчик – рыбщик – рыбаульчик*; взрослые: *рыбщик – рыбчик – рыбальщик – рыбаульчик – рыбаульчик* и под.).

Варьирование суффиксов в языковом сознании продуцентов обусловлено в основном присоединением к суффиксу узуальных и окказиональных интерфиксов. Примеры самых продуктивных и одновременно самых вариативных суффиксов-морфодериватем см. Табл. 1.

Таблица 1. Суффиксы и их варьирование в реакциях детей и взрослых

Примечание. 1) Суффикс выделен полужирным курсивом, интерфикс – без выделения. 2) Варианты суффикса выделены с учетом всех экспериментальных деривационных полей.

№ п/п	Суффикс	Взрослые	Дети
1	<i>-ик</i>	<i>-авик, -алик, -арик, -астик, -атик, -еватик, -евик, -лик, -ёрик, -ик, -илтик, -истик, -итик, -невик, -овик, -ялик -онарик, -унарик, -урик, -усик, -явик, -яндик, -ярик, -ятик, -ящик</i>	<i>-арик, -астик, -атик, -бик, -вик, -ебик, -емик, -ёрик, -ик, -илик, -истик, -лик, -овик, -орик, -стик -тик, -устик, -ястик, -икокик,</i>
2	<i>-ин</i>	<i>-алкин, -ари'н, -ашкин, -елкин,</i>	<i>-ачкин, -ин, -ин(а),</i>

¹³ Морфы относились к одной морфодериватеме независимо от того, к какой основе – именной или глагольной – они присоединялись, т.к. мотивирующее суждение было одно: «тот, кто ловит рыбу».

		ёшкин, -илкин, -илкин(а), -ин, -ин(а), -кин, -йкин(а), -лкин, -лкин(а), -тушкин, -щин, -улькин, -ушкин, -шкин, -якин, -ятин(а), -яхин, -яшкин	-искин, -иткин, -кин, -мулин, -нкин, -чин(а), -яшкин, -яшкин(ая)
3	-ист	-арист, -ист, -ист(ьй), -еист, -елкорист, -ерист, -еционист, -илист, -инист, -ионист, -нейкист, -никист, -нист, -овист, -онист, -орист -осист, -сист, -чист -узист, -унист, -янист	-анист -ист -нист -тист
4	-чик	-анчик, -атчик, -ачик, -енчик, -еванчик, -етчик, -илчик, -ичик, -инчик, -ильчик, -истчик -нчик, -овчик, -ончик, -тчик -увчик, -ульчик, -унчик, -утчик, -учик, -чик, -чунчик, -ытчик, -юнчик, -явчик, - -янчик, -ярчик(а), -ячик	-айчик, -альчик -анчик, -арильчик, -аринчик, -аричик -ельчик, -ёвчик, -илчик, -ильчик, -ичик, -льчик, -чик, -овчик, -ончик, -очик -унчик, -ючик
5	-щик	-альщик, -анищик, -арщик, -ательщик, -ейщик, -еловщик -ельщик, -енищик, -ещик, -ёвщик, -илищик, -ильщик, -инщик, -ирищик, -ищик, -льщик, -нищик, -овальщик, -овщик, -ольщик, -онщик, -тельщик, -ульщик, -унищик, -ущик, -щик, -ыльщик, -явщик, -ягальщик, -яйщик, -яльщик, -ярищик, -ящик	-альщик, -арильщик -аринщик, -ащик, -вщик, -ельщик, -ещик, -ёвщик, -ёльщик, -ёрищик, -ёщик, -ильщик, -исщик, -ищик, -йщик, -льщик, -нищик, -овщик, -ольщик, -онщик, -ощик, -ульщик, -унищик, -утельщик -ущик, -ыльщик, -щик, -яльщик

Приведенные выше наблюдения обнаружили, что многочисленные речевые варианты одного и того же языкового аффикса (-ик, -чик/-щик и т.п.), присоединяющиеся к одной и

той же производящей основе и порождающие семантически эквивиальные производные (см. поля «тот, кто ловит рыбу»), представляют собой в русском языковом сознании функционально тождественные, легко заменяющие друг друга элементы, а их совокупность – аффиксальную морфодериватему той или иной словообразовательно-ономасиологической модели; варианты производящей основы (например *лови-/лов-*) – морфодериватему корневого типа. Таким образом, морфодериватема – это элементарная составляющая морфодеривационной структуры русского субстантива, используемая человеком при порождении нового слова.

Морфемнеодеривационная структура слова, состоящая из морфодериватем, – особая единица русского языкового сознания, отличающаяся и от морфемной, и от словообразовательной структур слова. Морфемная структура слова складывается из составляющих слово морфов (*удильщик*: *уд-+и-+льщик*); словообразовательная структура – из сочетания производящей основы и словообразовательного форманта (*удильщик*: *уди-(ть)* → *уди-+льщик*); морфодеривационная структура производного – из морфодериватем, представляющих собой набор их вариантов, существующих в сознании человека как равнозначные образования. Последнее (функциональное тождество составляющих морфодериватему морфов и семантическая эквивиальность дериватов) позволяет предположить, что в языковом сознании носителя русского языка словообразовательные варианты производного слова (*удельщик*, *удильщик*, *удильчик*) манифестируют одно и то же слово (*удильщик*) с единой МДС: *уд-/уди- + -ельщик / -льчик, -льщик*. В целом МДС имеет полевую структуру с ядром – наиболее частотным вариантом *удильщик* – и периферией – единичными реакциями *удельщик* и *удильчик*.

Таким образом, морфодериватема – это элементарная, симплексная, а МДС – комплексная единицы порождающего языкового сознания, существование которых пока является научной гипотезой, предположением и носит вероятностный характер. Они требуют дальнейшего серьезного изучения.

Литература

Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6.

Земская Е.А. Язык как зеркало современности (словообразовательные заметки) // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова) / РАН. Отделение литературы и языка - М., 1995.

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А.Земская. – М., 2000.

Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М. 2001.

Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. – Минск, 1985.

Попова Т.В. Семантика русского субстантивного корня (по данным ассоциативного эксперимента) // Лингвистические этюды. Памяти профессора А.И. Моисеева – СПб., 2004.

Попова Т.В. Семантика русского корня в словах-композиатах (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник УГТУ-УПИ: Филология. – 2005. – №8. – Екатеринбург, 2005.

Русская грамматика. Т. 1. – М., 1980.

Словарь ассоциативных норм русского языка /Под ред. А.А. Леонтьева. – М., 1977

Шкатова Л.А. Различные степени терминологизации наименований лиц // Современные проблемы русской терминологии. – М., 1986.

©Попова Т.В., 2005

©Степанова Е.Г., 2005